

Вернувшись домой, Да-ню поспешил в кухню разводить огонь, ведь мама сказала, что отец собирается приготовить ему лапшу!

Линь Си принял у Гао Мэнли заплечную корзину и занес покупки в кухню. Да-ню принялся помогать отцу разбирать вещи и вдруг увидел, как Линь Си достал из корзины кусок мяса. Мальчик воскликнул:

— Папа, мясо!

Сегодня еще и мясо будет? О боже, у него слюнки потекли рекой!

— Да, сегодня едим мясо!

Линь Си и сам был в восторге. По правде говоря, он еще не пробовал свежего мяса. В постапокалиптическом мире были только консервы да заморозка, и он, словно та самая хозяйка, не мог приготовить обед без риса. Ему оставалось лишь смотреть кулинарные шоу, и кто знает, сколько литров слюны он сглотнул перед телевизором.

— Кстати, су... Си-си, сделай из него шкварки, а вытопленный жир мне пригодится.

Гао Мэнли никак не могла заставить себя произнести слово «муж», ей было неловко, поэтому она решила просто называть его Си-си.

Линь Си, как раз собиравшийся нарезать свинину ломтиками, услышал голос Гао Мэнли из двора, которая уже распорядилась судьбой жирной свинины.

— Эй, хорошо.

Он изменил план и вместо ломтиков нарезал мясо кубиками — придется делать шкварки.

Гао Мэнли, подхватив корзину, вышла из дома. Завтра нужно было торговать, так что сначала стоило собрать побольше юцзянь.

Линь Си положил кусочки свинины в котел и начал медленно вытапливать жир. По мере того как температура росла, мясо становилось золотистым и хрустящим, а из него постепенно выделялось масло. Вскоре кухня наполнилась густым мясным ароматом. Он осторожно слил вытопленный жир в миску, чтобы тот остыл, и отставил в сторону шкварки. Стоило ему повернуться, чтобы взять муку, как он увидел Да-ню: мальчик сидел у очага, подбрасывая дрова, и не сводил глаз со шкварок, а по его подбородку текла слюна.

Аромат был просто невероятным. Да-ню всегда считал, что даже если отец возьмется делать стельки для обуви, они будут вкусными, а уж это мясо — просто божественная пища, от которой можно было потерять сознание!

Да-ню размышлял о том, как мясо само прыгнет ему в рот, и вдруг увидел, что кусочек и вправду летит прямо к нему.

Линь Си, держа в пальцах шкварку, посмотрел на Да-ню, чьи глаза, до этого сфокусированные на мясе, превратились в косоглазие, и чуть не рассмеялся:

— Давай, открывай рот.

Придя в себя от звука голоса, Да-ню немедленно выпрямил взгляд и жадно укусил. Мясо взорвалось во рту насыщенным вкусом, жирным, но не приторным, и его вкусовые рецепторы, казалось, пустились в пляс. Глаза мальчика засияли, а вокруг него словно заплясали пузырьки счастья.

Прожевывая, Да-ню невнятно пробормотал:

— Вау, как вкусно! Папа, это самое вкусное, что я когда-либо ел.

Линь Си посмотрел на преувеличенно довольное лицо сына и хмыкнул. Сынок, ты уж слишком преувеличиваешь.

Да-ню не знал, о чем думает отец. Распробовав мясо, он теперь не сводил глаз с миски на плите, предаваясь грезам. Он принялся подбрасывать дрова с удвоенным усердием. Линь Си, глядя на бушующее пламя, от которого вода в котле уже вовсю кипела, поспешил ускориться. Он нисколько не сомневался: если замешкается, сын выкипятит всю воду.

Он насыпал в миску две порции муки, медленно влил горячей воды и принялся умело замешивать тесто. Оно быстро становилось гладким и эластичным. Замешивая, Линь Си поглядывал на Да-ню, который все так же не отрываясь смотрел на миску, будто хотел прожесть в ней дыру.

Линь Си беспомощно улыбнулся и задвигался быстрее. Вскоре тесто было готово, и он начал раскатывать лапшу. Звук шлепков теста о стол привлек внимание Да-ню. Как же круто отец раскатывает лапшу! Правда, оттопыренный мизинец немного портил картину brutality.

Тем временем Гао Мэнли, возвращаясь с корзиной юцзянь, издалека увидела у ворот троих ребятишек. Они присели у порога и жадно втягивали носами воздух из щелей в дверях. Это были дети из второго и третьего домов старой усадьбы.

Она уже хотела поздороваться, но, услышав шаги, дети обернулись и увидели перед собой страшную тетюшку.

— А-а-а! — испуганно завопил Линь Фу и бросился наутек к соседнему двору.

У Гао Мэнли дернулся глаз. Неужели она просто хотела поздороваться? Реакция оказалась слишком бурной. Восемилетний Линь Фу, прибежав домой, все еще дрожал от страха. Лишь оказавшись во дворе, он шумно выдохнул. Он уже собирался успокоить двух сестренок, как вдруг обернулся и понял, что их нет.

— Беда, сестренки!

— Вы что тут делаете? — недоуменно спросила Гао Мэнли, глядя на двух девочек у ворот.

Старшей, Линь Линь, было семь лет, она была из третьего дома, а младшей, шестилетней Линь Лу, — из второго, как и Линь Фу. Услышав вопрос тетушки, девочки задрожали. Линь Лу вцепилась в рукав сестры:

— Се... сестренка...

Она искала защиты у Линь Линь, надеясь пробудить в той сестринскую любовь, чтобы та не бросила ее, как родной брат. Линь Линь молчала, лишь крепко сжимая руку сестры, ее всю трясло. Когда-то она пришла к Да-ню поиграть, и тетушка, вернувшись, просто перебросила ее через забор обратно в старый двор. Пять дней она потом не могла встать с кровати. С тех пор страх перед Гао Мэнли врос в ее кости.

Сегодня они втроем пришли, потому что из соседнего двора пахло слишком вкусно. Они не осмелились войти, просто стояли снаружи и нюхали.

Гао Мэнли, видя, что дети молчат, поняла, что разговор не клеится. Она собралась было обойти их и войти во двор, как вдруг Линь Фу снова выскочил из старого дома. Он подлетел к сестрам, схватил каждую за руку и в мгновение ока утащил обратно, не забыв с грохотом захлопнуть ворота.

У Гао Мэнли дернулся уголок рта. Неужели она исчадие ада, раз они ее так боятся? Она покачала головой, толкнула калитку и поставила корзину под навес.

Линь Си закончил с лапшой:

— Жена, иди скорее есть!

Он поставил миску на стол. Гао Мэнли взглянула на белую лапшу и нахмурилась. Они были знакомы с детства, и Линь Си прекрасно понял, что ее смущает.

Он беспомощно пожал плечами:

— Соевого соуса нет!

Оба повернули головы и уставились на Да-ню, который уплетал лапшу за обе щеки. Мальчик почувствовал на себе тяжелый взгляд, поднял голову, увидел родителей и от испуга выронил палочки. Это был глубинный страх, превратившийся в условный рефлекс.

— Папа... папа... мама... мама... что... что случилось?